

Владимир Кожедеев

**Дело имперского
Механика 2**

Владимир Кожедеев

Дело имперского Механика 2

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Дело имперского Механика 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Расследование поручают коллежскому советнику Игнатию Оболенскому, усталому следователю с блестящим умом часовщика. Вместе с циничным гением-патологоанатомом доктором Павлом Гуровым они вскрывают не частное преступление, а гниющее нутро империи. Тайные кредиты казны под залог императорских драгоценностей, запретная связь великой княжны, продажа сибирских недр иностранцам — всё это сходится в смертоносном узле, имя которому «Проект Диамант». На фоне блеска и гнили последних лет Российской империи разворачивается детективная дуэль не на жизнь, а на правду. От салонов Петербурга до окопов Первой мировой — путь следователя Оболенского и доктора Гурова становится метафорой гибели целого мира, где каждый пытается спасти хоть что-то: долг, память или собственную душу.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Кожедеев

Дело имперского Механика 2

Часть 1

Глава 1.

С тех пор прошло полгода Игнатий Петрович Оболенский, остановил Службу в министерстве внутренних дел, переехал жить в родовом имении в Туле. Жизнь постепенно приобрела размеренный ритм провинциального города: утренняя прогулка по парку, чтение газет и неспешные беседы с соседями.

Однако покой бывшего императорского Механика оказался обманчивым. Однажды утром почтальон принес странное письмо без обратного адреса. Оно было написано красивым витиеватым почерком и содержало лишь одну фразу:

«Помощь необходима Вашему другу. Встреча назначена в Петербург как сможете на Михайловской площади».

Оборванная фраза вызвала тревогу в душе Игнатия. Кого имел в виду неизвестный отправитель? Доктор Павел Сергеевич Гуров давно покинул Петербург и отправился путешествовать по Европе. Может быть, речь шла о ком-то другом?

Решив выяснить правду, Игнатий поехал на встречу, даже не подозревая, какая цепь невероятных событий ожидает его впереди. Тайны прошлого снова всплывут на поверхность, заставляя задуматься о последствиях собственных поступков и решениях, принятых много ранее.

И вот начинается новое расследование, полное неожиданных поворотов и опасностей, которое приведет героя к разгадке одной из величайших тайн русской истории начала XX века, нить которого ведет к Доронину.

Коллежского советника Игнатия Петровича считали человеком странным даже среди петербургских чудаков. Хотя никто не мог точно сказать, почему именно, каждый встречал его взгляд холодных серых глаз и чувствовал нечто зловещее, словно советник знал гораздо больше, чем следовало бы человеку обычного ума. Высокий, худощавый мужчина с тонкой улыбкой неизменно появлялся в клубах города в сопровождении своего верного друга, доктора криминалиста Павла Сергеевича Гурова.

Павел Сергеевич Гуров обладал качествами совершенно противоположными своему другу. Всегда оживленный, полный любопытства ко всему новому, доктор считал себя ученым первопроходцем в области судебно-медицинской экспертизы. Его пергаментные руки часто покоились на новомодных медицинских инструментах, подаренных австрийским коллегой в Вене. Каждый случай казался ему удивительным шансом раскрыть истину там, где казалось, будто тайны затеряны навсегда.

Игнатий Петрович же относился к каждому делу спокойно, порой равнодушно, позволяя событиям разворачиваться вокруг себя, лишь наблюдая со стороны, сохраняя непроницаемое выражение лица. Но всякий раз, когда дело касалось таинственных смертей, убийств, совершенных по непонятным причинам, Игнатий оказывался рядом, направляя расследование туда, куда другие не осмеливались идти.

Для Доронина княгиня Ярцева – трофей и вызов. Она воплощение всего, что он презирает и желает одновременно: богатство «новых людей», не отягощённое древностью рода, и красота, которой он может обладать, унижая её мужа-выскочку. Его цель – не любовь, а обладание и власть.

Он мастер интриги. Роман для него – рискованная игра, повышающая его статус в собственных глазах. Он мог использовать княгиню для получения информации о делах мужа или даже участвовать в финансовых аферах Ярцева, оставаясь в тени.

У княгини может храниться подарок Доронина – часы или табакерка с дарственной гравировкой или гербом, которые Оболенский мог найти при обыске.

Доронин мог убить Ярцева не из ревности, а потому что князь обнаружил связь и пригрозил скандалом, способным разрушить карьеру графа. Или же Ярцев отказался покрывать долги Доронина, поставив того на грань разорения.

Как флигель-адъютант, Доронин имеет доступ к самым влиятельным людям империи. Его алиби на вечер убийства может быть прикрыто «служебным поручением» при дворе. Он будет использовать всё своё влияние, чтобы давить на следствие, дискредитировать Оболенского и направлять подозрения на других.

Десять часов утра, изящный кабинет в особняке графа на Английской набережной. День после того, как Оболенский нашёл улику – табакерку с вензелем Доронина в будуаре княгини Ярцевой.

Намеренно одет в непарадный, слегка поношенный сюртук – контраст роскоши.

В дорогом, но небрежно накинутом на плечи халате поверх белой рубашки. Демонстрирует, что для него визит следователя – досадная помеха.

Иван Потапыч: Секретарь Оболенского, молча, сидит в углу, ведёт протокол – его присутствие подчёркивает официальность.

Кабинет выдержан в стиле модерн, но дышит холодной, продуманной театральностью. Всё на виду, всё безупречно – и потому ничего нельзя разглядеть по-настоящему.

Доронин не встаёт при входе Оболенского. Он предлагает дорогой коньяк – не как гостеприимство, а как тест: примет ли следователь правила его игры?

– Вежливо отказываясь. Благодарю, ваше сиятельство. При исполнении. Позвольте приступить.

– Лениво разваливаясь в кресле. Как угодно. Только, ради Бога, побыстрее. В два у меня приём у великого князя.

Оболенский избегает прямого вопроса, создавая дискомфорт через намёк.

– Вы были близки с покойным князем Ярцевым?

– С лёгкой гримасой. Вращались в одном обществе. Он был... деловой человек. Не всегда тонкий.

– Делая паузу, смотрит в глаза. А с княгиней? Она, говорят, женщина тонкого вкуса.

Этого достаточно. Доронин чуть напрягается – он понял, что разговор пойдёт не о покойнике.

Оболенский выкладывает на стол лакированное деревянное «лицо» улики – табакерку.

– Этот предмет найден среди вещей княгини. Вам знаком?

Доронин берёт табакерку. Рука не дрогнула, но пальцы сжали её чуть крепче, чем нужно. Он узнал её мгновенно.

– Холодно. Возможно. Таких безделушек много. У меня и герб не такой.

– Спокойно. Я не о гербе. Я о гравировке внутри крышки. «L.Y. от L.D. Мариинский, IX.13». «Л.Я.» – Лидия Ярцева. «Л.Д.» – Леонид Доронин. Сентябрь 1913-го, премьерный сезон. Подарок на память. Интимный.

Доронин медленно закрывает табакерку. Его надменность сменяется опасной, хищной собранностью.

– Вы позволяете себе неприличные намёки, коллежский советник.

– Я позволяю себе констатировать факты. Факт в том, что вы, будучи любовником княгини, имели доступ в её дом, знали её мужа и его дела. И были у вас... финансовые обязательства перед покойным. Князь держал ваши векселя на крупную сумму. Вам было что терять.

Иван Потапыч шуршит бумагой, подтверждая наличие документов.

Доронин встаёт. Он уже не светский лев, а офицер, загнанный в угол.

– Тихо, с угрозой. Вы знаете, с кем разговариваете? Одно моё слово – и ваша карьера...

– Также встаёт, его голос становится металлическим. Моя карьера – это расследование убийства. А ваше слово, граф, уже ничего не значит. Потому что у меня есть не только эта табакерка. У меня есть свидетель, который видел вас в Мариинском театре в ночь убийства. Не в ложе, а в служебном коридоре, ведущем к ложе Ярцева. За полчаса до выстрела.

Это блеф. Но сказано с такой ледяной уверенностью, что Доронин на секунду теряет дар речи. Его лицо белеет. Это не игра – это ловушка.

– Срывающимся голосом. Это ложь! Я был в это время...

Он замолкает, понимая, что вот-вот назовёт алиби, которое можно проверить и опровергнуть. Момент паники выдан.

– Берёт табакерку. Благодарю вас, ваше сиятельство. Вы были очень... показательны. Протокол допроса будет передан по инстанциям. А пока – не покидайте Петербург.

Оболенский кивает и выходит, оставляя Доронина одного посреди безупречного кабинета. Граф неподвижно стоит, сжимая кулаки, а потом одним резким движением смахивает со стола хрустальную пепельницу. Она разбивается вдребезги о камин. Идеальный порядок разрушен.

Раскрывает характер Доронина: Его самоуверенность – маска. Под ней – паникёр, способный на ярость и неосторожность.

Он явно что-то скрывает, и его связи делают его опасным врагом для Оболенского.

Почему он запаниковал именно на слове «свидетель»? Что он делал в театре? Это отправная точка для дальнейшего расследования.

Он не ломится в открытую дверь, а точно давит на слабые места, используя психологию и блеф как оружие.

Допрос закончен, но игра только начинается. Доронин теперь будет действовать – либо, пытаясь устранить Оболенского или сближаясь с другими подозреваемыми, что выведет следствие на новый виток.

Глава 2.

Поздний вечер того же дня. Особняк Ярцевых на набережной Мойки. Дом, ещё не осознавший, что хозяин мёртв. Всё блестит, но в воздухе – запах увядающих цветов и лекарств.

Княгиня Лидия Ярцева (урождённая княжна Мещерская): Молодая (около 28 лет), поразительной, холодной красоты. Лицо – маска безупречного горя, но глаза (большие, тёмно-синие) – живые, острые, оценивающие. Она в глубоком трауре, но чёрный креп и кружева подчёркивают белизну её кожи, делаю её похожей на драгоценную камею. Она не плачет. Она демонстрирует страдание как последний атрибут своего положения.

– Явился без предупреждения. Он уже не тот развязный светский лев. Он собран, бледен, в его движениях – нервическая энергия. Траурный сюртук сидит на нём как униформа на приговорённом.

Старая нянька-компаньонка Агафья, сидящая в углу гостиной с вязанием – немой свидетель и хранительница репутации.

Гостиная в стиле неоклассицизма. Много белого и золота, хрустальные люстры, но огни в них приглушены. Кажется, что в комнате очень тихо и очень тесно от невысказанных слов.

Доронина вводят в гостиную. Княгиня не протягивает ему руку, лишь кивает на кресло напротив. Нянька Агафья не поднимает глаз, но её спицы замолкают.

– Тихо, с напускной нежностью. Лидия... Я не мог не прийти. Как ты?

– Голос ровный, мелодичный, без интонаций. Как можно быть вдовой, Леонид? Я – существую. Благодарю за участие.

Уже в этой фразе – дистанция. Она отстраняет его, называя полным именем.

Доронин наклоняется вперёд, опуская голос до шёпота, который, однако, отчётливо слышен в тишине.

– Ко мне приходил этот... сыщик. Оболенский. Он был у тебя?

– С лёгким, холодным удивлением. Разумеется. Вежливый человек. Спрашивал о привычках Владимира.

– Срываясь на шипящий шёпот. Он показал мне табакерку. Нашу табакерку. Где он её взял?

– Медленно опускает веки, потом поднимает их. Взгляд – ледяной. Я отдала её ему сама. Среди прочих вещей для описи. Она была подарена мне... знакомым. Я слышала, в таких вещах иногда прячут... секреты. Я хотела помочь следствию.

Это удар ниже пояса. Доронин откидывается, будто его ударили. Его любовница не просто не защищает его – она сознательно отдала улику против него. И сделала это под благопристойным предлогом.

– Сдавленно. Ты... что ты наделала? Ты понимаешь, что это значит? Он считает меня...

– Перебивая, всё тем же ровным голосом. Он считает тебя тем, кем ты являешься, Леонид. Человеком, который бывал в этом доме. Не более того. Если у тебя совесть чиста – чего тебе бояться?

Она играет в беспомощность, но каждое её слово – отточенная сталь. Она знает силу своего положения: безутешная вдова, помогающая правосудию.

– Он лжёт! Он говорит, что есть свидетель, который видел меня в театре... в ту ночь. В служебных коридорах.

Пауза. Княгиня вдруг медленно поднимает веер со столика и раскрывает его перед лицом. За чёрным кружевом её лицо становится непроницаемой маской.

– Сквозь веер, голос приглушён, но чёткий. А разве тебя там не было, Леонид? Ты же сам говорил... что хотел поговорить с Владимиром о своих долгах. После спектакля. Найти его в ложе. Чтобы я не слышала.

Теперь Доронину по-настоящему страшно. Она не отрицает. Она подтверждает возможность. И делает это так, что это звучит как забота о её репутации («чтобы я не слышала»), но на деле подводит его под мотив и возможность.

– Вскакивает, забыв о приличиях: Лидия! Ради всего святого! Ты же понимаешь, что...

– Барыня утомлена. Ей вредно волноваться. Впервые поднимает голову, сухо кашляет Нянька Агафья

Княгиня медленно складывает веер.

– Няня права. Я очень устала. Благодарю, что навестил меня в моём горе, граф. Прошу, впредь... соблюдайте приличия. Ко мне теперь ходят с официальными визитами. И, Леонид... (она делает паузу, и в её глазах впервые вспыхивает что-то живое – не любовь, а холодная, безжалостная ярость) ...очистите свои долги. С покойным моим мужем. Через его управляющего. Я не намерена нести это бремя.

Доронин стоит, уничтоженный. Он пришёл за поддержкой, а получил изгнание и новый узел на своей шее. Он, молча, кланяется и, почти пошатываясь, выходит.

После его ухода:

Нянька Агафья подходит к княгине.

– Жестоко, барынька. Зря.

– Глядя в темноту за окном, где исчезла фигура Доронина. Не жестоко, няня. Расчётливо. Он – слабое звено. Он начнёт метаться и выдаст себя. А я должна остаться единственной,

кого все жалеют. Им (она кивает головой в сторону, где предположительно находится кабинет Оболенского) нужен убийца. Пусть ищут его среди тех, кто этого заслуживает.

Она подходит к трюмо и смотрит на своё отражение в траурном одеянии. На её губах играет едва заметная, ледяная улыбка. Она не просто вдова. Она – игрок, который только что пожертвовал одной из своих фигур, чтобы укрепить позицию королевы. И теперь будет наблюдать, как эта фигура, корчась в агонии, привлечёт к себе всех охотников, отвлекая их от неё самой.

Это показывает, что в этом деле нет невинных жертв – есть только люди, по-разному пытающиеся выжить в водовороте лжи, денег и смерти.

Глава 3.

Спустя некоторое время тайно встретились Ярцева с Оболенским – это переломный момент, где вдова превращается из объекта расследования в его движущую силу.

Малый салон особняка Ярцевых. Поздний вечер, двое суток после визита Доронина. В доме царит искусственная тишина, будто его законсервировали. В малом салоне, куда княгиня пригласила Оболенского «для уточнения деталей описи имущества», горят не люстры, а несколько свечей в высоких канделябрах. Свет выхватывает фрагменты портретов, бронзу, но оставляет в тени углы. Здесь можно говорить.

Княгиня Лидия Ярцева: На ней не траурное платье, а тёмно-синее, почти чёрное, шёлковое. Это не крик скорби, а деловой костюм. Волосы убраны строго. Ни одной лишней драгоценности. Она сидит в кресле прямо, руки сложены на коленях. Её красота теперь – не украшение, а оружие, которым она не пользуется, демонстрируя сдержанность.

Оболенский: Он настороже. Приглашение, переданное через верного слугу, было слишком таинственным. Он стоит, не садясь, ожидая подвоха.

Нянька Агафья: Стоит у двери в столовую, превратившись в часть интерьера, но её присутствие гарантирует приличия и является молчаливым свидетелем.

– Не предлагая сесть, смотрит прямо на него. Благодарю, что пришли, коллежский советник. Прошу простить таинственность. В моём положении открытые встречи с представителями сыска... компрометируют.

– Чем могу служить, ваше сиятельство?

– Я желаю служить вам. А точнее – правде о смерти моего мужа. Я предлагаю сделку.

Она делает паузу, давая словам осесть. Оболенский молчит, его лицо – маска вежливого внимания.

– Мой муж, Владимир, был не просто дельцом. Он был... центром. В нём сходились нити, о существовании которых вы, возможно, догадываетесь. «Проект Диамант», залог фамильных ценностей Императорского Дома, переговоры с немцами и англичанами... Это была не жажда наживы. Это была попытка удержать на плаву целую систему, которая тонула. Он брал на себя самый тяжёлый груз и самый тяжкий грех. Его убили не из-за денег. Его убили, потому что он стал слишком опасным свидетелем для слишком многих влиятельных людей.

– Вы знаете имена этих людей?

– Лёгкий кивок. Знаю. И не только имена. У меня есть доступ к двум комплектам документов. Один – тот, что в его кабинете. Другой – в несгораемом шкафу в сейфе Цюрихского банка. Ключ и порядковый номер... у меня. В этих бумагах – расписки, шифрованные отчёты, списки выплат. Они доказывают всё. От сделки с сибирскими алмазами до того, какие суммы и кому перечислялись, чтобы замаять историю с великой княжной.

Она говорит спокойно, как бухгалтер, докладывающий отчёт. Это впечатляет больше, чем истерика.

– И что вы хотите за эти бумаги? Имена? Иммунитет?

– Едва заметная, холодная улыбка. Вы смешны. Какое имение может заменить репутацию? Нет. Я хочу трёх гарантий. Во-первых, полной безопасности для меня и моих доверенных

слуг. Вы или ваши люди должны обеспечить охрану, пока вся эта история не будет закрыта. Во-вторых, неприкосновенности моего личного состояния, которое я принесла в этот брак и которое не имеет отношения к делам мужа. Его аферы – не мои долги. И, в-третьих...

Она делает долгую паузу, встаёт и подходит к окну, спиной к нему.

– Я хочу, чтобы официальное заключение следствия гласило, что князь Владимир Ярцев пал жертвой государственных изменников и иностранных агентов, пытавшихся через него разрушить экономические устои Империи. Я хочу, чтобы он вошёл в учебники истории не как жулик, а как жертва и патриот, пусть и заблуждавшийся. А граф Доронин... (Она оборачивается, и в её глазах вспыхивает та самая ярость, что была в прошлой сцене.) ...должен быть публично назван соучастником, кем он и является, и опозорен. Без этого – никаких бумаг. Я скорее сожгу их.

Это гениально. Она предлагает Оболенскому не просто улики, а готовый, красивый миф, который устроит всех: власть получит благородную версию без упоминания о великой княжне и залоге драгоценностей; Оболенский получит ошеломляющее раскрытие дела; а она сама – статус скорбящей героини, а не жены предателя.

– Медленно. Вы предлагаете мне фальсифицировать заключение.

– Я предлагаю вам выбрать, какая правда будет менее разрушительна для государства. Правда, о мелком жулике, убитом из-за долгов, которая никому не нужна? Или, правда, о крупной игре, где он был пешкой, – игра, которую мы с вами можем красиво завершить, обезвредив несколько мелких фигур вроде Доронина? Вы же не наивный юноша, коллежский советник. Вы знаете, что абсолютная, правда, в нашем мире – самоубийство.

Она права. И в этом весь ужас. Она говорит на его языке – языке механизмов и систем, но предлагает не починить механизм, а заменить одну неисправную деталь (мужа) на другую (Доронина), оставив главный двигатель (систему коррупции) нетронутым.

– А если я откажусь?

– Пожимает плечами, возвращаясь к креслу. Тогда я буду вынуждена в одиночку оплакивать своего несчастного мужа, оклеветанного и непонятого. А вы будете биться головой о стену, пока не сломаете её. Или пока она не сломает вас. У вас есть сутки на размышление. Няня, проводи господина.

Агафья открывает дверь. Оболенский стоит на месте, глядя на эту женщину, которая в двадцать восемь лет научилась торговать не бриллиантами, а историческими реальными фактами. Он понимает, что столкнулся с противником, возможно, более опасным, чем фон Рекке. Тот подавлял силой. Она же предлагает сделку с совестью, прикрытую благородными целями.

– На прощание. Вы не боитесь, что я арестую вас как соучастницу?

– Поднимает на него ледяной взгляд. На каком основании? На основании слов любовника, которого вы сами же объявите лжецом и мошенником? Или на основании бумаг, которых у вас нет? Нет, коллежский советник. Мы с вами не на таком поле. Мы решаем, чьё имя будет записано в истории чистым, а чьё – очернённым. Я уже сделала свой выбор. Теперь ваш черёд.

Оболенский, молча, выходит. Он пришёл за уликами, а уходит с моральной дилеммой, которая тяжелее любого физического доказательства. Княгиня Ярцева только что доказала, что в их мире даже горе и невинность можно превратить в разменную монету высшего достоинства. И теперь ему предстоит решить, по какой цене он готов купить правду.

Княгиня становится ключевой фигурой: Она не пассивна, а активно формирует реальность вокруг себя.

Победить, приняв её правила и солгав, или пойти напролом, рискуя всем и, возможно, проиграв.

Борьба идёт уже не за «кто убил», а за «какую историю мы примем за правду». Это битва за реальные факты.

Теперь Оболенский должен обсудить это с Гуровым, возможно, решиться на рискованный шаг – согласиться на сделку, но попытаться обмануть саму княгиню, заполучив документы и не выполнив всех её условий.

Она поставила его перед выбором между бесполезной правдой и полезной ложью. Его решение определит не только исход дела, но и то, останется ли он самим собой.

Глава 4.

Оболенский отправляется на извозчике к своему другу, кабинет-лаборатория доктора Гурова.

Глубокая ночь. Через час после встречи с княгиней Ярцевой. Помещение в подвале Обуховской больницы. Воздух густой, тяжёлый – смесь запахов дезинфекции, старой бумаги и вечного, чуть сладковатого духа смерти. На полках – банки с органами в формалине, на столе – микроскоп, весы, разложенные инструменты. Здесь нет места для лжи. Это царство Гурова, и здесь он говорит на своём языке – языке фактов и патологий.

Гуров: В расстёгнутом халате поверх жилетки. Он стоит у раковины и методично, с особым, почти ритуальным тщанием моет руки длинной хирургической щёткой. Его лицо в свете настольной лампы усталое, но ясное.

Оболенский: Сидит на табурете у стола. Он не снял пальто, будто только что зашёл с улицы и ещё не решил, остаться или уйти. В руках он бессознательно вертит карманные часы – не Ярцева, а свои собственные. Его лицо – маска крайней усталости и смятения.

Оболенский только что закончил свой рассказ. Последние слова – «...и теперь мне нужно решить» – повисли в тихом гуле подвала.

Гуров не оборачивается. Он смотрит на струю воды, смывающую пену с его длинных, тонких пальцев.

– Голос глухой, ровный, без интонаций. Интересный случай. С клинической точки зрения. Пациентка – организм, поражённый системной болезнью среды. Реакция – не попытка излечения, а локализация некроза. Отрезать гниющую часть (память о муже-жулике) и заместить её трансплантатом (памятью о муже-жертве). Блестяще. Чисто технически.

– С горькой усмешкой. Ты считаешь, я должен согласиться? Стать её... со-хирургом?

– Наконец вытирает руки белым полотенцем и поворачивается. Его глаза в тени глубоких впадин кажутся совсем тёмными. Я не считаю. Я констатирую. Ты просишь у патологоанатома этического совета. Это всё равно, что просить скальпель выбрать, какой тканью резать – здоровой или больной. Скальпель режет. А я вскрываю. Мой долг – описать, что вижу. А не решать, что с этим описанием делать.

Он подходит к столу, садится напротив Оболенского, берёт пустую карточку для анализа и начинает что-то чертить на ней карандашом – не рисунок, а скорее геометрические фигуры, помогающие мыслить.

– Ты оказался не следователем на этом деле. Ты оказался лабораторным образцом. Тебя поместили в среду и смотрят на реакцию. Фон Рекке смотрит – сломаешься ли под давлением. Княгиня смотрит – купишься ли на красивую легенду. Даже я смотрю... (Он поднимает взгляд.) ...останешься ли ты тем Игнатием, который чинит часы, пытаюсь понять их истинный ход. Или станешь Игнатием, который подталкивает стрелки, чтобы они показывали удобное время.

– А что, по-твоему, будет правдой? Удобное время или сломанный механизм, который уже не починишь?

– Правда... (Он откладывает карандаш.) Правда, в том, что Ярцев мёртв. Ордин мёртв. Их мотивы – неважны. Они уже часть протокола. Правда в том, что система, которая их породила, жива. И она предлагает тебе не выбор между правдой и ложью. Она предлагает выбор между двумя видами лжи. Одна – громкая, скандальная, которая похоронит тебя вместе с ней.

Другая – тихая, удобная, которая позволит тебе жить, но с постоянным знанием, что ты принял в ней участие.

Гуров встаёт, подходит к одному из шкафов, достаёт бутылку без этикетки и два толстых лабораторных стакана. Наливает мутноватую жидкость.

– Спирт. Чистый. Для консервации. Но и для дезинфекции души иногда сгодится.

Он ставит стакан перед Оболенским. Тот машинально делает глоток. Ожог в горле возвращает его к реальности.

– Значит, ты предлагаешь выбрать тихую ложь?

– Делает свой глоток, морщится. Какая крепкая дрянь. Нет. Я предлагаю тебе посмотреть на себя как на последний сохранившийся образец. Если ты примешь её условия, то в историю войдёт красивая сказка, а правда умрёт вместе с твоей совестью в каком-нибудь подвале памяти. Если ты откажешься и пойдёшь напролом – тебя сотрут, а правда умрёт вместе с тобой, так и не будучи названной, вслух. Так что выбор, по сути... (он делает паузу) ...не между правдой и неправдой. А между тем, как именно правда будет похоронена. С почестями и твоим участием. Или в безымянной могиле, но с твоим сопротивлением на её крышке.

Это жестокий, но кристально ясный анализ. Гуров не утешает. Он вскрывает абсцесс надежды и показывает, что под ним – только гной неизбежного поражения.

– И какой же вывод, доктор?

– Вывод, коллега, таков: наше дело – не побеждать. Наше дело – фиксировать. Я фиксирую на столе. Ты – в протоколе. Если тебе удастся внести в протокол хоть одну строчку, которая будет отличаться от того, что они диктуют, – это и будет твоей победой. Не над ними. Над беспамятством. Так что решай не как следователь, которому нужно закрыть дело. Решай как... летописец. Какая запись тебя больше устроит: «Дело закрыто в связи с установлением виновности гр. Доронина в сокрытии информации» или «Дело прекращено за отсутствием состава преступления, истинные мотивы остались нераскрытыми»? Обе – ложь. Но первая – оставляет в истории мерзавца. Вторая – оставляет вопрос. А вопросы иногда страшнее для системы, чем ответы.

Он допивает свой спирт. Оболенский смотрит на свой стакан, потом на часы в своей руке. Он вдруг понимает, что Гуров дал ему не ответ, а инструмент для выбора. Не «что делать», а «как думать об этом». Он может выбрать не между добром и злом, а между двумя разными способами служения памяти – пусть и горькой.

– Вставай. Спасибо, Павел Сергеевич. Кажется, я понял. Я не буду её со-хирургом. Но, возможно, стану тем, кто опишет операцию в учебнике, который никто не отважится опубликовать. Но который будет существовать. Хотя бы в одном экземпляре. В этом столе.

Он кивает на массивный ящик стола Гурова, где тот хранит свои самые спорные и страшные заключения.

– Слабая, почти невидимая улыбка тронула уголки его губ. Буду ждать материал для подшивки. А теперь иди. И... береги себя, летописец. Историю пишут живые. Мёртвые лишь предоставляют материал.

Оболенский выходит в холодную ночь. У него нет решения, но исчезла паника. Есть тяжёлая, ясная решимость. Он теперь знает, что его роль – не судья и не спаситель. Его роль – свидетель, который должен оставить запись. И эта мысль, парадоксальным образом, даёт ему свободу. Он может принять предложение княгини, но сделать это на своих условиях, оставив в деле щель для вопроса. Или отказаться, но подготовить «закрытое заключение» для стола Гурова. Его битва сместилась с поля победы на поле сохранения свидетельства. И в этой битве у него, как ни странно, появляется шанс.

Оболенский больше не борется с системой в лоб. Он готовится пережить её, сохранив для будущего (пусть и в виде намёка, улики, вопроса) знание о том, как она на самом деле работала. Это мрачный, взрослый, но единственно возможный для него вид победы.

Глава 5.

После разговора с Гуровым, Оболенский находит свой путь – не героическое противостояние и не циничная капитуляция, а стратегию сохранения свидетельства.

Малый салон, утро следующего дня.

Оболенский снова в особняке Ярцевых. Он приходит не как проситель, а как равный участник переговоров. Его спокойствие сбивает княгиню с толку.

– Ваше сиятельство, я принял решение. Я согласен на ваш обмен, но с одной поправкой. Доронин будет представлен не как шантажист, а как соучастник в финансовых махинациях вашего мужа, который, опасаясь разоблачения, мог иметь мотив для убийства. Это ближе к тому, что у меня уже есть. Ваш муж будет фигурировать как человек, втянутый в опасную игру, но не как её автор. Авторство останется за «иностранными агентами и коррумпированными чиновниками» – обезличенными фигурами. Вы получите чистую репутацию вдовы. Я получу документы.

– После паузы. А Доронин? Вы отдадите его под суд?

– Нет. Он даст показания о финансовых делах покойного и уедет из Петербурга «для поправления здоровья». Его карьере конец. Этого достаточно для вашего удовлетворения и для закрытия дела. Вы ведь хотите тишины, а не нового скандала?

Княгиня, видя, что он не ломается, но и не атакует, соглашается. Она понимает: этот человек не победил её, но лишил её полной победы. Это компромисс.

Давление на Доронина: Оболенский, имея теперь условную санкцию княгини и молчаливое невмешательство фон Рекке (которому выгодна эта версия), вызывает графа. Он предъявляет ему неопровержимые доказательства долгов и связь с делами Ярцева, а также «показания» княгини о его угрозах. Оболенский предлагает ту же сделку: публичное опозорение и ссылка в имение в обмен на избежание уголовного дела. Доронин, брошенный всеми, ломается и соглашается.

Получение документов: Через доверенное лицо княгини (не через неё саму) Оболенский получает доступ к копиям документов из швейцарского сейфа. Он и Гуров ночами изучают их. Это сокровищница: контракты по «Проекту Диамант» с пометками высокопоставленных лиц, расписки о залоге драгоценностей, шифрованные отчёты. Прямых доказательств убийства нет, но есть полная картина системы, в которой убийство Ярцева было лишь рядовым событием.

Подготовка двух заключений: Здесь Оболенский применяет стратегию Гурова.

Официальное заключение: Красиво сшитая папка. Версия: князь Ярцев стал жертвой сложной интриги, в которой были замешаны иностранные интересы и коррумпированные чиновники (безымянные). Граф Доронин, будучи соучастником финансовых махинаций покойного, своими действиями способствовал трагедии и отстранён от службы. Дело прекращено за невозможностью дальнейшего установления конкретных виновных (кроме уже мёртвого Ордина). Героическая роль сыскной полиции и лично коллежского советника Оболенского подчёркнута.

Заключение для «стола Гурова»: Отдельная, нигде не зарегистрированная папка. В ней – полная расшифровка системы. Все имена, все связи, все суммы. Приложены фотокопии ключевых документов. На обложке – ничем не примечательная пометка: «Дело №... (Ярцев). Патологоанатомическое заключение. Для внутреннего архива. Не подлежит оглашению». Этот том кладётся в тот самый несгораемый ящик стола Гурова, рядом с другими «неудобными» диагнозами эпохи.

Кабинет на Фонтанке. Оболенский кладёт на стол полковника официальное заключение. Фон Рекке бегло листает его.

Фон Рекке: Изящно. Несколько туманно, но... удовлетворительно. Вы доказали, что способны решать сложные задачи. Жаль, что такие таланты редко ценятся по достоинству. Ваш

отпуск, коллежский советник, продлён. На неопределённый срок. Вам стоит... отдохнуть. В деревне. Подальше от столичной суеты.

Это мягкая отставка. Победа системы. Оболенский не спорит.

– Я понимаю. Но прежде чем уехать, полковник, разрешите один вопрос. Гибель чиновника Астахова... она ведь тоже будет оформлена как «несчастный случай»?

– Холодно. Гибель? Вы ошибаетесь. Тайный советник Астахов переведён на службу в Иркутск. Далёкая, но почётная должность. Иногда полезно, чтобы беспокойные люди... меняли перспективу.

Оболенский кивает. Он понял. Астахова не убили – его административно похоронили заживо в сибирской глуши. Та же система, другие методы.

– Благодарю за разъяснение. Служу России.

– Да. России. Именно.

Они больше не враги. Они – два чиновника, выполнившие свою работу по поддержанию видимости порядка. Оболенский выходит. Его не арестовывают, не благодарят. Его просто стирают из активной жизни системы, как стирают ненужную запись на полях.

Несколько дней спустя.

Оболенский зашёл проститься. Гуров, молча, указывает на свой стол. В ящике лежит та самая папка – «Патологоанатомическое заключение».

– Материал подшит. Диагноз выставлен: «Системное поражение организма государства множественными метастазами коррупции и лицемерия. Исход – хронический, прогрессирующий упадок с периодами внешней стабильности. Лечения не существует, возможна лишь паллиативная поддержка мифа о здоровье».

– Мрачный диагноз.

– Зато точный. Ты выполнил свою работу, летописец. Теперь езжай. Чини часы. А я буду ждать следующий труп. Рано или поздно система начнёт переваривать сама себя, и тогда появятся новые тела. И, возможно, новые следователи... которые захотят заглянуть в старые архивы.

Они пожимают руки. Никаких тёплых слов. Они оба сделали то, что должны были: один сохранил улики, другой – дал им медицинское определение. Их союз – не дружба, а профессиональный сговор против забвения.

Оболенский уезжает в своё тульское имение. В кармане у него – та самая медная монета с дыркой, первая улика по делу Волкова, которая так ни к чему и не привела. На столе у Гурова – папка, которая никогда не будет раскрыта. В канцелярии жандармов – красивое, лживое дело, всех удовлетворившее. Княгиня Ярцева начинает выходить в свет. Граф Доронин исчезает. Фон Рекке получает новую награду.

Система победила. Она переварила правду, заплатив за это карьерой одного честного следователя. Но где-то в глубине, в ящике стола судебно-медицинского эксперта, правда – как законсервированный, страшный препарат – продолжает существовать. Не как надежда на справедливость, а как точный, бесстрастный диагноз неизлечимой болезни под названием «Империя, 1913 год».

Это и есть самый горький, самый реалистичный и, возможно, самый сильный финал дала имперского Механика. Правда не восторжествовала. Она просто была задокументирована и похоронена в правильном архиве, в ожидании того дня, когда само это захоронение станет главной уликой против целой эпохи.

Глава 6.

В начале 1914 года, Петербург ещё живёт своей жизнью. После отставки Оболенского главным действующим лицом становится доктор Павел Гуров. Именно он остаётся на линии огня, один на один с системой, которая решила завершить начатую зачистку. Вот детальная проработка истории под названием «Симптом».

Петербург, январь 1914 года. Две недели после отъезда Оболенского в Тулу. Морг при Обуховской больнице.

К Гурову доставляют тело коллежского асессора Петра Семёновича Мирского. Официальная причина смерти, указанная в протоколе участкового врача, – «апоплексический удар (инсульт) на почве алкогольного опьянения». Тело нашли в дешёвом номере гостиницы «Северная» рядом с пустой бутылкой дешёвого портвейна.

Но Гуров, как всегда, начинает с мелочей. Он замечает то, что пропустил дежурный врач:

Поза: Мирский лежит на кушетке неестественно прямо, руки аккуратно сложены на груди. Пьяный человек так не засыпает.

Запах: От одежды пахнет портвейном, но изо рта – слабым, едва уловимым запахом горького миндаля. Это классический признак цианистого калия.

Деталь: На шее покойного, под воротником сорочки, Гуров находит крошечный, точечный след от укола, почти незаметный, окружённый лёгким синяком размером с булавочную головку. Укол был сделан очень тонкой иглой – не медицинским шприцем, а скорее инструментом вроде... шила часовщика.

Гуров проводит вскрытие. Заключение однозначно: смерть от острого отравления цианистым калием, введённым подкожно в область сонной артерии. Объём яда – микроскопический, но достаточный для мгновенной остановки сердца, которая и была принята за «удар».

Но главная находка ждёт в желудке. Среди остатков пищи Гуров находит маленький, свёрнутый в трубочку клочок папиросной бумаги. На нём химическим карандашом выведено всего три слова: «Счёт №47. Далёк. Алмаз».

Для Гурова это как удар током. «Счёт №47» – это номер накладной, который фигурировал в деле о хищениях на складе в 1903 году, по которому проходил Волков. «Далёк» – вероятно, искажённое «Далек» или намёк на удалённость. «Алмаз» – прямая отсылка к «Проекту Диамант».

Мирский был не пьяницей. Он был бухгалтером или мелким клерком, который когда-то вёл эти самые «счета» для той старой аферы, связанной со складом, а позже, вероятно, и для новых проектов. Его устранили, потому что с отъездом Оболенского и закрытием дела Ярцева кто-то решил, что пора окончательно замести следы, убрав последних мелких исполнителей. Убийца – профессионал, но это не «Механизм». Волков оставлял монеты и действовал с показной жестокостью. Здесь же – тихая, клиническая ликвидация под видом естественной смерти. Это почерк не артиста, а лаборанта или фармацевта.

Гуров начинает своё частное расследование. Через старые связи в медицинском и аптекарском мире он выясняет, что Мирский последние годы служил в Управлении казённых горных заводов – ведомстве, тесно связанном с геологоразведкой и, следовательно, с «Проектом Диамант».

Он решает навестить единственного человека, который может знать что-то о старых счетах, – бывшего архивариуса Управления, старика Потапова, который вышел на пенсию после того, как у него «отнялись ноги» (Гуров сразу подозревает отравление тем же цианидом, но в малой, хронической дозе).

Визит к Потапову на окраину Петербурга проходит в атмосфере паранойи. Старик, полупарализованный, живёт с взрослой дочерью. Он узнаёт фамилию «Мирский» и начинает дрожать.

Потапов (шёпотом, пока дочь хлопочет на кухне): Он... он последний был. Из нашей конторы. Кто вёл те тетради. Про золотиносные пески в Сибири... нет, не золото... твёрже... алмазы. Его предупредили. Говорили: «Забудь, Петруша, и молчи». А он был совестливый. Говорил, что хочет «очистить душу». Перед Богом. Видно, очистил...

– Кто предупредил? Кто пришёл к нему?

– Зажмуриваясь, в ужасе. Доктор... Он сказал, что он доктор. От Управления. Пришёл сделать «профилактический укол от тифа». Красиво говорил... А глаза... как у мёртвой рыбы. Холодные.

Гуров понимает, что имеет дело с убийцей-отравителем, который использует медицинскую легенду для приближения к жертвам. Он – оборотень в белом халате. И он ещё не закончил.

Гуров решает, что ждать следующего трупа – преступно. Он разрабатывает план. Он знает, что следующим в списке может быть кто-то из оставшихся в городе мелких участников аферы. Через Потапова он узнаёт о ещё одном бывшем служащем – инженере-картографе Василии Игнатьеве, который составлял карты для тех сибирских экспедиций.

Гуров приходит к Игнатьеву первым. Он представляется доктором Смирновым из Санитарной комиссии и предупреждает его, что в городе ходит шарлатан, выдающий себя за врача и делающий опасные уколы. Он просит Игнатьева, если к тому явится такой «доктор», немедленно дать ему условный сигнал (например, громко кашлять) и принять предложенный «укол», но не вводить его, а имитировать, спрятав шприц.

План рискованный, но это единственный способ выманить убийцу и поймать его с поличным. Гуров с двумя верными санитарями из морга (теми, что помогали с похоронами Архипа) дежурят в соседней комнате квартиры Игнатьева.

И ловушка срабатывает. На следующий день к Игнатьеву является молодой, безукоризненно одетый человек с чемоданчиком, представляющийся доктором Шварцем из «Общества борьбы с инфекционными болезнями». У него холодные, безжизненные глаза. Он говорит о «новой угрозе сыпного тифа» и предлагает сделать профилактическую инъекцию.

Игнатьев, как и договорились, громко закашлял. В этот момент Гуров и санитары врываются в комнату. «Доктор Шварц» не пытается бежать. Он медленно поворачивается к Гурову, и на его лице появляется лёгкая, почти профессиональная улыбка.

– А, коллега. Доктор Гуров. Я вас узнал по работам о постмортальной токсикологии. Блестяще. Жаль, что вы применяете свои знания столь... прямолинейно.

– Где яд?

– Раскрывает чемоданчик. Там – безупречный набор настоящих медицинских инструментов и несколько ампул с бесцветной жидкостью. Яд? Это – сыворотка. От тифа. Хотите проверить? Можете ввести её мне. Я не боюсь. Потому что это – физиологический раствор. Доказательств у вас нет, коллега. Только подозрения старика-паралитика и фантазии картографа. А я – представитель уважаемого Общества. У меня всё в порядке.

Он прав. Укол не сделан. Яд, если он и был, спрятан так, что его не найти. Это игра в чистоту, и «Шварц» выигрывает её наглостью и безупречной легендой.

Санитары, по приказу Гурова, всё же задерживают его «для выяснения личности». Но уже через два часа в морг является адъютант из штаба Петербургского военного округа с приказом освободить гражданина Шварца, который является военным фельдшером запаса, находящимся на особом задании. Гуров понимает всё. Это не частный убийца. Это – официальный ликвидатор, работающий под прикрытием военного или полицейского ведомства. У системы есть свой «санитарный отряд» для зачистки неугодных.

«Шварца» отпускают. Перед уходом он оборачивается к Гурову:

– Вы зря ввязались в это, доктор. Ваше дело – мёртвые. Занимайтесь ими. А живые... живых лучше предоставить специалистам по живым. Или они сами станут вашими пациентами. До свидания. Надеюсь, ненадолго.

В ту же ночь Гуров пишет длинное, подробное письмо Оболенскому. Он описывает всё: смерть Мирского, визит к Потапову, ловушку и фиаско с «доктором Шварцем». Он не просит помощи. Он констатирует.

«...Вывод, Игнатий, прост и ужасен. Мы ошиблись, думая, что «Механизм» был крайним проявлением системы. Он был её эксцентричным, артистичным симптомом. Теперь же система демонстрирует клиническую, стерильную фазу болезни. Она не оставляет монет и следов. Она ставит диагноз «естественная смерть» и делает инъекцию тишины. Они учатся. Они становятся тоньше.

«Шварц» – не психопат. Он – техник. Скорее всего, с медицинским или химическим образованием. Он выполняет заказ. И заказчик – тот же, что был у Волкова, только теперь он предпочитает не грубую механику, а тонкую химию. Ты уехал, но война не кончилась. Она просто перешла в латентную стадию. И следующей мишенью, после того как они разберутся с оставшимися «счетами», можешь стать ты. Или я. Наш диагноз системе оказался слишком точным. А пациентам не нравится, когда им говорят правку о неизлечимой болезни. Они предпочитают убрать диагноста.

Будь осторожен. Твой, П. Гуров.

Гуров запечатывает письмо и отдаёт его на отправку с нарочным. Он возвращается в свой морг, к тишине и порядку, который он может контролировать. Но теперь он знает, что за стенами его царства мёртвых действует безликий, безупречный убийца в белом халате, который представляет, куда большую опасность, чем любой маньяк. Потому что он – не исключение. Он – новый стандарт работы системы. И остановить его в одиночку невозможно. Можно лишь документировать его работу, как документируют течение смертельной эпидемии, в ожидании того дня, когда эпидемия доберётся и до тебя самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.